

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1971**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

И. В. Стеблева

СИНКОПИРОВАНИЕ СЛОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ «ДИВАН ЛУГАТ АТ-ТУРК» МАХМУДА АЛ-КАШГАРИ

Появление в XI в. поэмы Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» положило начало истории классической тюркоязычной поэзии, которая складывалась на основе арабо-персидской теории метров, рифмы и поэтических фигур. С этого времени (а возможно, и несколько раньше) начинается процесс развития тюркского аруза, употребление которого отмечено в творчестве отдельных авторов вплоть до наших дней.

Тюркский аруз представляет собой самостоятельную область стиховедения, так же как арабский и персидский, и следует признать, что проблема тюркского аруза в настоящее время недостаточно изучена. Традиционное мнение, господствующее в тюркологии, сводится к тому, что аруз как система (по происхождению — квантитативное стихосложение) абсолютно чужд тюркским языкам. Главным доводом здесь обычно служит отсутствие в тюркских языках долгот, которые могли бы стать фонологической базой ритма. Однако история средневековой тюркоязычной поэзии демонстрирует достаточно яркий факт безраздельного господства аруза. Поэтому создается впечатление, что вывод о чуждости аруза, вытекающий из чисто лингвистического аспекта проблемы, не ставится ни в какую связь с противоречащим ему фактом внедрения аруза в тюркскую языковую среду и с пышным расцветом поэзии, созданной на основе аруза. Между тем из поэтической практики других народов известно, что в языке утверждается обычно та система стихосложения, которая в общем соответствует фонетическим законам данного языка. Понятно, что здесь необходимо учитывать и возможное влияние поэтической традиции, которая, будучи привнесена из иноязычной поэзии, может диктовать свои условия, вызывающие на первых порах сопротивление языка новой поэтической форме. В дальнейшем, как правило, новая поэтическая фор-

ма вживается в язык, отыскивая в нем любые возможности для своего существования на лексическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Одновременно с этим язык предъясвляет новой поэтической форме свои требования, видоизменяя последнюю или, во всяком случае, принимая в ней те элементы, которые способствуют созданию компромисса, равновесия между природными свойствами языка и нормами поэтики, выработанными на основе иноязычной поэзии. Кажется вполне очевидным, что в таком случае задача исследования тюркского аруза сводится к тому, чтобы выявить пути приспособления аруза к тюркским языкам, потому что только в этом случае станет ясной подлинная картина развития классической тюркоязычной поэзии.

Как известно, главную роль в приспособлении аруза к тюркским языкам сыграло постепенное создание поэтического словаря. Усвоение тематики, характерной для арабской и персидской поэзии, а также связанной с исламом, неизбежно сопровождалось обогащением тюркского поэтического словаря лексикой арабского и персидского происхождения. Е. Э. Бертельс, сравнивая метры поэм «Кутадгу билиг» (XI в.) и «Хибат ал-хака'ик» Ахмада Югнаки (XII в.), писал, что в последней метр ровнее потому, что ее автор прибегает к гораздо большему числу арабо-персидских лексических заимствований, чем это делал Юсуф Баласагунский¹. В дальнейшем, в эпоху расцвета классической тюркоязычной литературы (конец XV — начало XVI в.), арабо-персидские заимствования в поэтической речи как в Средней, так и в Малой Азии достигали 90%².

Однако создание новой поэтической формы в тюркоязычной поэзии естественно не могло ограничиться только изменениями в области лексики. Если исходить из того, что для тюркской поэзии, так же как и для любой другой, действителен закон преемственности поэтических форм, то, по-видимому, следует допустить, что новая поэтическая форма должна была наложиться на старую и должным образом преобразовать ее. Анализ произведений классической тюркоязычной поэзии в разные периоды ее существования позволяет убедиться в том, что для трансформации древнетюркской поэтической формы в новую, вырабатывавшуюся на основе арабо-персидской поэтики, существовал ряд благоприятных условий. В частности, помимо правила тюркского аруза считать

¹ Е. Э. Бертельс, «Хибат ал-хакаик» Ахмада Югнаки, — «Труды САГУ», Новая серия, Ташкент, 1945, вып. 3, кн. I, стр. 29—46.

² О заимствованиях в старотурецкой поэзии см.: S. Rymkiewicz, Beitrag zur Entwicklung des Reims in der türkischen Kunstdliteratur, — RO, t. XXVII, z. 1, стр. 65.

в тюркских словах закрытые слоги долгими и открытые — краткими и долгими прослеживается тенденция совместить расположение ударных слогов в тюркских словах с расположением долгих слогов в схемах метров³.

Важное значение имело также совпадение стихотворного и музыкального ритмов, т. е. соотношенность музыкальных ритмов с теми или иными метрами аруза⁴. По-видимому, существовало также представление о соотношении относительно более долгих и менее долгих гласных, возникающем в потоке речи.

Для выявления путей приспособления аруза к тюркским языкам чрезвычайно интересны ранние попытки использования аруза, к которым относятся поэтические тексты из «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари (XI в.)⁵. Цель данной статьи — показать зафиксированное арабской графикой выпадение узких гласных в тюркских словах, которое было продиктовано ритмической схемой того или иного метра аруза.

1. *kāmšib* < *kāmišib* (от глагола *kāmiš*):

— — — — | — — — —
atyū kāmšib urylady (I, 10)⁶
 «Он кричал, понукая коня».

Текст написан метром *хазадж-и мурабба'-и салим* по формуле *мафā'ūлун мафā'ūлун*. В слове *kāmšib* синкопирован узкий гласный *i*, поэтому образовался закрытый и, следовательно, долгий слог *kām*, необходимый здесь по схеме хазаджа.

— — — — | — — — —
kāmšib atyū tākdimiz (II, 3)
 «Погнав коней, мы настигли [их]».

³ См. подробно: И. В. Стеблева, О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию, — сб. «Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока», М., 1964, стр. 285—303; ее же, Поэтика «Кутадгу биллиг», — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 94—97.

⁴ Более подробно см.: И. В. Стеблева, О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию, стр. 302—303; ее же, Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии, — «Народы Азии и Африки», 1969, № 2, стр. 128—129.

⁵ Подробный анализ метров аруза, усматриваемых нами в текстах «Диван лугат ат-турк», дан в кн.: И. В. Стеблева, Развитие тюркских поэтических форм в XI веке, М., 1971, гл. 2.

⁶ Римские и арабские цифры в скобках после примеров соответствуют нумерации текстов в вышеуказанной книге. Там же см. арабское написание текстов.

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и марфу'* по формуле *мустаф'илун фа'илун*. Здесь употребление слова *kāmšib* с синкопированным гласным *i* дало начало схемы раджаза. Благодаря инверсии *kāmšib atyū* образовалась первая стопа раджаза (— — — —); в приведенном ранее примере при сохранении нормального порядка слов — *atyū kāmšib* сочетание тех же слов формирует стопу хазаджа (— — — —).

2. *ulšyb < ulyšyb* (от глагола *ulyš-*):

— — — — | — — — —
ulšyb ärän börläjü (XIII, 7)
 «Мужи воют, как волки».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и марфу'* по формуле *мустаф'илун фа'илун*. В слове *ulšyb* синкопирован узкий гласный *y*, поэтому первый слог слова (*ul*) закрытый и, следовательно, долгий, что соответствует схеме раджаза.

3. *ötnür < ötänür* (от глагола *ötün-*):

— — — — | — — — — | — — — — | — — — —
ajyul sizin tabuḡḡu ötnür jänḡ tabuḡ (XV, 1)
 «Скажи: „Ваш слуга спрашивает новую службу“».

Текст написан метром *мунсариḡ-и мусамман-и маḡбун-и маḡшүф-и маḡзүф* по формуле *мустаф'илун фа'улун мустаф'илун фа'ал*. Выпадение узкого гласного *ü* делает первый слог слова *ötnür* закрытым (*öt*), т. е. долгим в соответствии со схемой метра мунсариḡ. В связи с требованиями данного метра и рифмы приведенная строка, как и весь текст, инверсирована.

4. *jäknüb < jükänüb* (от глагола *jükün-*):

— — — — | — — — —
jäknüb maḡa imlädi (XVII, 2)
 «Поклонившись, она сделала мне знак».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и марфу'* по формуле *мустаф'илун фа'илун*. В слове *jäknüb* синкопирован узкий гласный *ü*, благодаря этому образовался закрытый слог *jäk* — долгий по схеме метра.

5. *äštär < äšitär, äštib < äšitib* (от глагола *äšit-*):

— — — — | — — — —
kim aḡyb äštär qulaḡ (XXVI, 2)
 «[Если [кто-то скажет, услышит ухо [всякого]».

Текст написан метром *рамал-и мурабба'-и мақсур* по формуле *фā'илātун фā'илāн*. В слове *āštār* синкопирован узкий гласный *i*, в результате чего образовался закрытый слог *āš* — необходимый по схеме метра долгий слог первой стопы рамаля.

— — — — | — — — — | — — — — | — — — —
āštib ata anaḡḡuḡ savlaruḡḡu qadyrma (XLIX, 1)
 «Слушая речи своих родителей, не отвергай [их]».

Текст написан метром *мунсарих-и мусамман-и махбун-и махшуб* по формуле *мустаф'илун фа'улун мустаф'илун фа'улун*. Благодаря выпадению узкого гласного *i* в слове *āštib* образуется закрытый слог *āš* — долгий слог в начале первой стопы мунсариха.

6. *qaḡrulur* < *qaḡurulur* (от глагола *qaḡurul-*):
 — — — — | — — — —
örkâ jüräk qaḡrulur (XXVII, 2)
 «Легкие [и] сердце пылают».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и марфу'* по формуле *мустаф'илун фā'илун*. В слове *qaḡrulur* синкопирован узкий гласный *u*, вследствие чего образовался закрытый и, следовательно, долгий, слог *qaḡ*, необходимый по схеме метра.

7. *sāvñālim* < *sāvinālim* (от глагола *sāvin-*):
 — — — — | — — — —
tān kān bilā sāvñālim (XXIX, 2)
 «Будем радоваться ночью [и] днем».
 — — — — | — — — —
qačty saḡuñč sāvñālim (XXIX, 3)
 «Печаль бежала прочь, будем радоваться».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и марфу'* по формуле *мустаф'илун фā'илун*. Выпадение узкого гласного *i* и образование закрытого слога *sāv* в слове *sāvñālim* обеспечивает правильность второй стопы раджаза, начинающейся с долгого слога.

8. *avñalym* < *avunalyt* (от глагола *avun-*):
 — — — — | — — — —
bāzrām qylyb avñalym (XXIX, 4)
 «Устроив празднество, будем развлекаться».

Как было указано выше, текст написан четырехстопным раджазом, вторая стопа которого изменена *зихāфом раф'*. Выпадение узкого гласного у делает первый слог слова *avnalym* закрытым, т. е. долгим, в соответствии со схемой метра.

9. *umnalym* < *umynalym* (от глагола *umyn*-):

— — — — | — — — —

tutmyš sanu umnalym (XXIX, 5)

«Будем считать, что она [его] схватила».

Синкопирование узкого гласного у делает первый слог слова *umnalym* закрытым, т. е. долгим (парадигму метра см. выше).

10. *öglälim* < *ögülälim* (от глагола *ögül*-):

— — — — | — — — —

ärdäm bilä öglälim (XXIX, 6)

«Похвалимся [своими] доблестями».

Здесь наблюдается выпадение узкого гласного *ü*, в результате чего в слове *öglälim* образуется закрытый слог *ög* — первый слог второй стопы раджаза, начинающейся с долгого слога (парадигму метра см. выше).

11. *qičšub* < *qičišub* (от глагола *qičiš*-):

— — — — | — — — —

qu'šub taqy qavuştum (XXX, 7)

«Обнимался [и] сошелся (сдружился) [с ним]».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и мухалла'* по формуле *мустаф'илун фа'улун*. Выпадение узкого гласного *и* дало в слове *qičšub* закрытый первый слог *qič*, соответствующий необходимому здесь долгому слогу метра.

12. *sačlub* < *sačylub* (от глагола *sačyl*-):

— — — — | — — — —

sačlub suvu äñräsür (XXXV, 13)

«Разливаясь, ревет воды».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и марфу'* по формуле *мустаф'илун фа'илун*. В слове *sačlub* синкопирован узкий гласный *у*, вследствие чего образовался закрытый слог *sač* — долгий слог в начале первой стопы раджаза.

13. *qarşyb* < *qaryşyb* (от глагола *qaryş-*):

— — — — | — — — — | — — — — | — — — —

goldaş bilä jaraşyul qarşyb adyn ödürmä (XLIX, 2)

«Будь в ладах с товарищем, не выбирай взамен [него] другого».

Текст написан метром *мунсариҳ-и мусамман-и маҳбун-и макшурф* по формуле *мустаф'илун фа'улун мустаф'илун фа'улун*. Вследствие выпадения узкого гласного у в слове *qarşyb* образуется закрытый слог *qar* — долгий слог в начале третьей стопы мунсариҳа.

Явление синкопирования узких гласных в поэтических текстах «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари свидетельствует о факте регулирующего влияния метров аруза. Синкопированные гласные являются лишними в схеме метров, употребленных в том или ином тексте, и поэтому при скандировании по метру они опускаются, что в данном случае нашло свое графическое отражение. Подобная практика синкопирования, по-видимому, существовала и в эпоху древнетюркской поэзии в качестве средства темпорального выравнивания разносложных строк. Важно отметить, что если бы в приведенных выше примерах узкие гласные были сохранены, нарушений в метрах аруза не было бы, потому что два кратких слога могли считаться за один долгий. Однако необходимости в обязательном сохранении узких гласных, вероятно, не было, поэтому поэтическая форма воспользовалась здесь неустойчивостью тюркских узких гласных в целях оптимально простого способа построения необходимых ритмических схем.